

Лютц находился в компании Гилберта. Он прибежал туда после того, как по пути из храма домой на Мэйн и Тули напали странные люди, но Гюнтеру, Дамуэлю и Отто удалось отбить их в тяжёлой борьбе.

- Отто, Лютц, что случилось?! Расскажите мне всё, что вам не запретили рассказывать! - выкрикнул Бэнно, вбежав по лестнице.

Ему успели доложить, что они уже здесь. Немного задумавшись, как ему следует ответить, Отто прищурился и посмотрел на Бэнно.

- Бэнно, не кричи. Ты разбудишь Ренату.

- Ну да, ну да. Лютц, не обращай внимания на Отто и расскажи мне всё что можешь.

Привычная перепалка между Отто и Бэнно помогла Лютцу немного расслабиться и он принялся объяснять ситуацию, начиная с того, что сегодня он провожал Мэйн домой вместе с Тули. По пути они встретили Отто, который разыскивал дворянина из другого герцогства, и во время разговора с Отто на них напали. Напавшие были явно нацелены на Мэйн, но, Лютц слышал, как один из них спрашивал, кого им нужно схватить, из чего можно было понять, что они не знали как выглядит Мэйн. Дамуэль остался сражаться с одним из нападавших, а Мэйн с остальным побежали в компанию Гилберта. Оттуда Мэйн и Гюнтер отправились в храм, чтобы рассказать Верховному жрецу о случившемся. Лютц также упомянул, что Дамуэль вызвал рыцарей.

- Кстати говоря, похоже, что Мэйн тоже позвала на помощь, - пробормотал Отто.

Сразу же все взгляды направились на Отто. Лютц, бежавший позади Гюнтера, не видел, чтобы Мэйн как-нибудь звала на помощь. Лютц и так знал не особо много, а учитывая то, что Гюнтер не позволил ему пойти вместе с ними в храм, это его лишь ещё больше расстроило.

- Мэйн коснулась кровью, что текла из её коленки, какого-то свисающего с шеи амулета. Она сказала, что он должен чем-то помочь, когда она попадёт в беду.

Лютц не понимал, что это значило, но вот Бэнно, похоже, что-то знал.

- Ещё слишком рано! Вот же дрянь! - сплюнул он и развернулся, чтобы вернуться в магазин.

- Хозяин Бэнно, о чём вы?

- Это секрет, который я не могу разглашать! - ответил Бэнно и побежал вниз по ступенькам, изрыгая проклятия.

Лютц закусил губу. Что-то сейчас происходило, а он понятия не имел, что именно. Мэйн оказалась в большой опасности, но он ничего не мог для неё сделать. Их разделяла стена, которую Лютц никак не мог преодолеть как бы ни старался.

- Смотрите, из-за криков Бэнно Рената заплакала. Он такой страшный дядя. Тише-тише.

Взяв Ренату на руки, Отто принялся её убаюкивать. Коринна, которая была ошеломлена поведением Бэнно, увидев, как Отто успокаивает дочь, пришла в себя. Лицо Тули тоже перестало быть таким напряжённым. С тех пор как они прибыли в компанию Гилберта она не проронила ни слова, но тут она пробормотала что-то о том, как она должна была принести погремушку, которую она сделала вместе с Мэйном. Это побудило Отто начать хвастаться Ренатой, отчего Тули в свою очередь, принялась хвастаться Камиллом.

...Как же я устал от этой чуши, что вы двое постоянно несете.

Не желая присоединиться к этому разговору о младенцах, Лютц подошёл к окну и посмотрел на главную улицу. Он надеялся, что сможет увидеть как там пробегут солдаты или рыцари, но перед ним был лишь обычный поток людей, словно нападения на них и вовсе не было.

Ведь с Мэйном всё будет хорошо... да?

- Тули, нам нужно в храм. Пойдём.

Спустя некоторое время Гюнтер вернулся чтобы забрать Тули. На его левой руке были ужасные ожоги. Увидев это красно-чёрное пятно на его предплечье, Тули сразу же побледнела.

- Папа, что с твоей рукой?! Где Мэйн?!

- Она в храме. Пойдём.

На лице Гюнтера не было его обычной весёлой улыбки, с какой он всегда говорил с дочерьми. Его лицо было суровым, а голос звучал неестественно тихо. Позади него стояла Эффа, державшая Камиллу. В связи с тем, что она лишь недавно родила, ей пока не следовало много двигаться, и всё же её вместе со всеми вызвали в храм. Лютц понял, что с Мэйном что-то случилось. Он посмотрел на Гюнтера.

- Дядя Гюнтер! Я...

- Я вернусь и всё объясню. Пока подожди здесь.

Независимо от того, насколько они были близки с Мэйном, они не были семьёй, а потому Лютц не мог пойти с ними в храм и ему пришлось остаться в магазине.

- Я буду в магазине на первом этаже, или на втором этаже у Хозяина Бэнно.

- На первом или втором этаже? Понял.

Сейчас он находился в комнате Коринны, потому что Тули была напугана и хотела остаться с ней, но больше в этом не было необходимости. Он был лехерлом, а потому ему должно было находиться этажом ниже, там где был кабинет Бэнно.

...Мне надо сейчас заняться хоть какой-то работой, а иначе я так и протревожусь весь день понапрасну. Надо начать что либо делать.

Покинув комнату Коринны, он последовал за Гюнтером и остальными на первый этаж. У выхода Гюнтер внезапно обернулся и посмотрел на Отто, всё ещё державшего Ренату.

- Отто, сейчас же иди к воротам и скажи командиру, что я пошёл в храм по приказу рыцаря.

- Да, капитан!

Проводив семью Мэйн, Лютц вернулся в магазин. Там Бэнно и Марк с крайне серьёзными выражениями лица обсуждали типографские дела. Должно быть, за амулетом Мэйн скрывался какой-то секрет, который имел огромное значение для работы мастерских, которые планировалось открыть. Лютц подумал, что если он не поторопится и не приступит к работе, то его оставят позади.

Стоило Бэнно услышать об амулете Мэйн, как он, даже не вспомнив о Лютце, бросился вниз по лестнице и принялся совещаться с Марком. Но пусть Лютцу и не оставалось другого выбора, кроме как сдаться, когда его не взяли с собой в храм, но он не собирался позволить исключить его из дел, касающихся печатных мастерских.

Я не собираюсь позволить им исключить меня из дела!

Собравшись с мыслями, Лютц принялся подсчитывать доходы и расходы «Мастерской Мэйн». Пусть Гил и прикладывал все силы, учась считать, но пока что он был недостаточно умен, чтобы справиться с этим самостоятельно. Ему всё ещё требовался Лютц, чтобы проверить его работу.

- Почему бы тебе просто не оставить всё это на мастерскую? Даже если они ошибутся и потеряют деньги, то это их проблема, - сказал нахмурившийся Леон, заглянув Лютцу через плечо.

Леон был лехерл, которого обучали на официанта в храме. У него был богатый опыт работы с различными мастерскими и магазинами, и с его точки зрения Лютц был слишком вовлечён в дела «Мастерской Мэйн». Ему казалось странным, что Лютц следил за их доходами и

расходами, а также много помогал мастерской с различной работой. С точки зрения стороннего наблюдателя это казалось совершенно неприкрытым пристрастием своим любимчикам. Вот только похоже что Лютц этого не понимал.

- Мастерская в приюте - это филиал «Мастерской Мэйн». Там отрабатывается все техники и навыки что будут использоваться в новых печатных мастерских, а потому мне следует постараться.

- Новые мастерские? Ты занимаешься такой работой? - удивлённо спросил Леон, повысив голос.

Лютц кивнул.

- Если я не буду достаточно умен, чтобы помогать Хозяину Бэнно открывать новые мастерские, то он не возьмёт меня в другие города. Даже если я с чем-то ошибусь в «Мастерской Мэйн», то это не так страшно, а поэтому мне сказали использовать её в качестве практики. Так что это вовсе не помощь любимчикам.

- Хм. Так значит это всего лишь ступенька на пути к успеху, да?

Леон был прав. В отличие от детей торговцев, у Лютца не было семейного магазина, в котором он мог бы тренироваться. «Мастерская Мэйн» была единственным местом, где он мог расти и учиться, не беспокоясь об ошибках.

Когда Лютц закончил оформление документов и ждал, пока Бэнно их проверит, за окном показались шары света. Они прошли сквозь стекло и стали кружить по комнате.

- Ч-что это такое?!

Шары света закружились над стоящими с широко раскрытыми глазами Бэнно, Марком и Лютцем, после чего превратились в светящийся порошок и осыпались на них. Как ни странно, но свет почему-то полностью избегал Леона.

Пока обескураженный Лютц стоял на месте, уставившись в потолок, свет постепенно угас, не оставив и следа, и в комнате воцарилась тишина.

- Ну и что это было? - спросил Бэнно.

- Не знаю, - ответил Марк.

Леон в недоумении посмотрел на них.

- Этот свет определённо избегал меня...

Лютц взглянул на свою ладонь, на которую упал светящийся порошок, но на ней ничего не было, и ему показалась, что этот порошок растворился в его теле. У всех на лицах читалось недоумение. Они гадали, что же случилось и почему этот порошок избегал Леона, пока в конце концов Гюнтер с остальными не вернулись в магазин.

- Лютц, извини за ожидание.

У всех было мрачное выражение лица, а глаза опухли от слез. Лютц предполагал, что они отправились в храм, чтобы забрать Мэйн, вот только её нигде не было видно. У него в груди возникло неприятное предчувствие. Он не решался спросить: «А где Мэйн?», поскольку ему казалась, что если он спросит, то всё уже никогда не будет так как раньше. Лютц стал оглядываться, пытаясь найти какую-нибудь другую тему для разговора, как вдруг его взгляд упал на руку Гюнтера, которая должна была быть сильно обожжена, но сейчас от ожога не осталась и следа.

- Дядя Гюнтер, ваш ожог...

- Это было последнее благословение Мэйн. Ожог исчез, когда на него упал светящийся порошок, - сквозь зубы пробормотал Гюнтер.

Потрясённый выбором слов Гюнтера, Лютц посмотрел на Тули и Еву.

Последнее благословение?

Лютц тяжело сглотнул и его тело задрожало. Но прежде чем он успел спросить Гюнтера, что означает «последнее благословение», Марк хлопнул в ладоши.

- В таком случае, я полагаю, что светящийся порошок, который мы недавно видели, тоже был благословением Мэйн?

-... Свет дошёл даже сюда? - спросил Гюнтер.

Его глаза слегка расширились от удивления. Лютц несколько раз кивнул и рассказал, как шары света ворвались в комнату, а затем превратились в светящийся порошок, осыпавший всех, кроме Леона.

- Похоже, шары света улетели ко всем, кто важен для Мэйн. Благословение было достаточно сильным, чтобы залечить мои раны, - сказал Гюнтер, грустно улыбнувшись.

Видя в его глазах смирение, Лютц всё понял. Там, куда он не смог отправиться, уже всё было

кончено.

- Ч-что случилось с Мэйн? Почему её здесь нет?

- Мэйн больше нет. Аристократы забрали её. Она ушла, - проговорила Тули.

По лицу Тули текли слёзы и капали на пол. Услышав её ответ, Бэнно сильно нахмурил лоб и прищурился.

- Гюнтер, я хочу кое о чём спросить вас: будет ли «Мастерская Мэйн» продолжать работу?

- Хозяин! Мэйн ушла! Сейчас не время для этого!

- Молчи! Это важно. Если она мертва, мне придется купить Мастерскую, чтобы сохранить её. Если её забрали аристократы, то мне придётся заняться кое-чем другим. И чем раньше я начну действовать, тем лучше.

Лютц совершенно не понимал, о чём говорит Бэнно, но, похоже, Гюнтер всё понял.

- Бэнно... так вы знаете?

- Подробности я не знаю, но Отто сказал, что она коснулась своей кровью амулета. И если Мэйн на самом деле не умерла, то значит, что её забрал ауб Эренфеста... Так как же зовут новую главу Мастерской?

Направленный на Бэнно взгляд Гюнтера был таким холодным, что Лютцу казалось, что у него кровь застынет в жилах.

- РозМэйн. Дочь высшего аристократа. Теперь она глава Мастерской. Мэйн мертва. Вот и вся история.

- История?

Лютц не знал что сказать, а Гюнтер слегка потрепал его по голове, как если бы вместо него была Мэйн.

- Чтобы защитить нашу семью, Мэйн стала дочерью высшего дворянина. Для того, чтобы спасти свою жизнь и наши, было нужно, чтобы Эрцгерцог удочерил её, а для этого она должна была стать дочерью высшего аристократа. Нам же пришлось подписать магический договор, по которому нам запрещено обращаться с ней как с семьёй. Вы все слишком тесно связаны с Мэйн. Будьте осторожны, если не хотите, чтобы вас казнили.

- Спасибо за предупреждение, - искренне поблагодарил его Бэнно. Затем он вздохнул и опустил плечи. - А я ведь думал, что у нас есть ещё два года, чтобы подготовиться. Ситуация изменилась слишком быстро.

- Хозяин! Мэйн ушла! Её забрал высший дворянин, и она даже больше не сможет называть свою семью семьёй! О чём вы вообще говорите?! - закричал Лютц, потрясенный подобным отношением Бэнно.

Однако, Бэнно лишь холодно посмотрел на него.

- Послушай, Лютц. Эта идиотка не умерла. Теперь она будет жить как РозМэйн. Ты думаешь, что эта чудачка изменится лишь потому, что из простолюдинки она превратилась в дочь высшего дворянина? Как бы не так! Единственное, что измениться, это то, насколько страшнее станет её увлечённость теперь, когда у неё появилась настоящая власть!

Увлечённость Мэйн и без того было сложно контролировать, но теперь, когда она обладает влиянием высшего дворянина, уже никому не будет под силу её остановить.

- Не говоря уже о том, что если она просто сменила имя, то РозМэйн по-прежнему будет соучредителем итальянского ресторана. Компания Гилберта лишь недавно доросла до ведения дел со средними дворянами, после многих лет работы с низшими дворянами. И вот теперь мы внезапно стали совладельцами ресторана с высшей дворянкой? Если у тебя есть время на слёзы, то лучше берись за работу! Неважно, будет ли она Мэйн, или РозМэйн, как ты думаешь, чего эта чудачка захочет?!

Книжный червь, которого даже не изменила смерть и перерождение, явно не изменится просто от того, что превратится в высшую дворянку по имени РозМэйн. И было лишь одно, чего она желала больше всего на свете.

- Книги!

- Именно. Даже если её статус стал выше, и нам придётся общаться с ней несколько иначе, мы по-прежнему занимаемся торговлей. И пока у нас есть одобрения герцога, мы будем вести дела с РозМэйн, нравится нам это или нет, - сказал Бэнно.

Услышав его слова, вся семья Мэйн повернула головы в его сторону.

- Возможно, у всех вас и не получится встретиться и поговорить с высшей дворянкой, но мы можем общаться с РозМэйн по торговым делам. У нас есть документы, которыми нужно обмениваться, и в них будет не сложно спрятать письмо. Я предсказал, что такое произойдет, а потому заставил Лютца и Мэйн подписать друг с другом магический контракт. Даже если вы не сможете общаться лично, вы всё ещё сможете обмениваться с ней письмами.

Даже если они не могли называть друг друга семьёй при встрече, но ничто не мешало им обмениваться письмами. Бэнно слегка усмехнулся, сказав, что даже в магических договорах есть лазейки.

- Лютц, это правда? Если я напишу Мэйн письмо, то ты передашь его ей? - спросила Тули.

Вопрос Тули привёл Лютца в чувство. Он всё ещё мог помогать Мэйн. Всё не так плохо. Пока она жива, он мог помогать ей делать книги и служить посредником между ней и её семьей. Поняв это, он уверенно кивнул.

- Ты можешь рассчитывать на меня.

Выйдя из магазина, они отправились домой. Теперь Мэйн считалась мёртвой. Когда они вернуться, им придётся устроить для неё похороны.

- Лютц, Мэйн была убита проникшим в город аристократом из другого герцогства. Скажи это своей семье. Нам нужно позаботиться о некоторых приготовлениях, - сказал Гюнтер.

На лбу Гюнтера пролегли глубокие морщины, и он посмотрел в небо. В каком-то смысле его слова не были ложью. В конце концов, именно из-за того, что аристократ проник в город, у Мэйн не осталось другого выбора, кроме как стать дворянкой.

- Понял.

Вернувшись домой, Лютц рассказал своим родителям о похоронах Мэйн, так что они поспешили закончить ужин. Его родители оказались первыми, кто выбежал на улицу, повязав на руке чёрную ткань. Лютц и его брат Ральф последовали их примеру и тоже повязали черную ткань вокруг своих рук, чтобы показать, что они участвуют в похоронах.

- Эй, Лютц, почему Мэйн умерла? Разве в последнее время ей не стало лучше?

- Дядя Гюнтер сказал, что её убил дворянин. Меня там не было, так что я больше ничего не знаю.

На площади вокруг колодца собрались соседи, обернув чёрную ткань вокруг рук. Обычно труп клали на доску, чтобы отнести на кладбище, но без трупа Мэйн они не могли это сделать. Вместо тела была лишь крошечная коробочка, внутри которой находилась одежда Мэйн и шпилька для волос, которую она обычно носила. Больше ничего .

- Что это значит? Где тело? - спросил один из соседей.

Собравшиеся соседи были удивлены столь необычными похоронами. Лицо Гюнтера исказилось

от боли и он опустил глаза.

- На Мэйн напал аристократ из другого герцогства. Он убил её и забрал тело.

- Ох-х... какой ужас. Я сожалею о вашей утрате.

То, что забрали аристократы, никогда не вернётся. Все соседи знали, как сильно Гюнтер любит своих детей, и пусть Мэйн и была крайне болезненна, он очень любил её. Не нужно было даже спрашивать, чтобы понять, насколько, должно быть, ему больно не иметь возможности вернуть её тело. Но из-за того, что в этом были замешаны дворяне, никто не решился задавать больше вопросов.

- А ведь Мэйн только-только стало лучше...

Смотря на деревянный ящик, соседи делились воспоминаниями о том, какой была Мэйн во время церемонии крещения и когда родился Камил.

Говорили, что дверь в страну мертвых открывалась только на рассвете, когда встречаются Бог Тьмы и Богиня Света. Когда взойдёт утреннее солнце, обручённые бог и богиня встретят умершего в стране мёртвых. А потому, до тех пор, пока тот благополучно не окажется там, люди, знавшие покойного, делились воспоминаниями о нём. Вот только Мэйн почти не проводила с ними время, так что соседям было практически нечего о ней сказать.

- Эй, Лютц, ты ведь был дружен с Мэйн? Скажи о ней что-нибудь, - предложил кто-то

Лютц вспомнил два с половиной года, которые он провёл с Мэйн. Сначала она даже не могла пройти до ворот. Она хотела делать книги, но у неё не было бумаги и чернил, так что она пыталась сплести волокна травы, делать глиняные таблички... И даже когда ей в конце концов удалось сделать бумагу, она не могла сразу же сделать книгу.

- Когда Мэйн пыталась что-нибудь сделать, она сразу же падала в обморок. Но она прикладывала все силы, чтобы получить то, что хотела. Поначалу Мэйн задыхалась уже от того, что доходила до колодца, но в спустя какое-то время она стала достаточно сильной, чтобы быть в состоянии пройти до леса.

- Ах да, точно... Она и правда делала много странных вещей. Например, копалась в земле и строгала палки.

- Лютц а ведь ты вместе с ней ещё и варил в котле дрова?

Фей и его друзья, которые ходили в лес вместе с Мэйн, начали один за другим рассказывать о том, что Мэйн делала в лесу. Похоже, их слова вдохновило семью Лютца и те тоже стали рассказывать о ней.

- Все придуманные Мэйн рецепты были замечательными.

- Помогая Гюнтеру у ворот Мэйн научилась считать и писать, а затем научила этому Лютца. Она была умной.

- Правда? Я даже не знал.

После церемонии крещения Лютц стал учеником торговца, а Мэйн – ученицей жрицы в храме. Но, поскольку, о тех, кто служит в храме, ходят плохие слухи, то о том, что Мэйн присоединилась к храму, никому не рассказывали. Все соседи думали, что она помогала у ворот и оформляла документы, которые приносил ей Лютц из компании Гилберта. Людей, кто знал, чем действительно занимается Мэйн, было не так много.

Мэйн организовала мастерскую в приюте, занималась изготовлением чернил и, наконец, стала делать книги. Она стала покровительницей Иоганна и поручила ему изготовить металлические литеры. Она поддерживала исследования Хайди о создании цветных чернил. А после некоторых проб и ошибок она закончила вместе с Инго печатный станок. Мэйн была потрясающей.

Лютц хотел бы рассказать об этом, но не мог. Он не знал, насколько безопасно было говорить печати книг.

- Мэйн была слабой девочкой и медленно росла, - начала Эффа, держа Камила на руках. - Мы всегда боялись, что она в любой момент может умереть. Тули стала более-менее самостоятельной, когда ей было два или три года, но Мэйн для этого потребовалось пять лет. Раньше она всегда плакала о том, что это нечестно, что только Тули здорова и может выходить на улицу.

Похоже, ей как матери было больно, когда Мэйн обвиняла её в том, что она не родилась здоровым ребёнком.

Скорей всего это была старая Мэйн, подумал Лютц. Та Мэйн, которую он знал, никогда бы не стала плакать из-за несправедливости. Она много старалась, чтобы стать сильнее и, несмотря на неудачи, стремилась к тому, чтобы читать книги.

- Но потом она перестала плакать из-за несправедливости, и начала злиться на всё подряд. Она говорила, что ненавидит своё тело. Она принималась за уборку в доме, пока не оказывалась в постели с лихорадкой. Она танцевала странные танцы, пока не падала без чувств, а ещё она говорила, что если есть определённых вещи, то это будет полезно для её тела, но затем у неё начинал болеть живот, - с легкой улыбкой продолжила Эффа.

...А вот теперь это та Мэйн, которого я знаю, подумал Лютц. Ему было легко представить все те странности, которые совершала Мэйн.

- А после того, когда она перестала плакать и злиться, она начала ходить с Лютцем в лес. И пусть она и не могла надеяться, что станет столь же здоровой, что и другие дети, она всё же набралась сил, чтобы выходить на улицу и поучаствовать в фестивале. Я и подумать не могла, что после всего этого она вот так умрёт...

После этого родные Мэйн заплакали и больше не проронили ни слова. Все их понимали. Их дочь наконец-то выздоровела, но её убил приезжий дворянин и забрал её тело. Похороны были тихими. Никто не разговаривал. В свете костра Гюнтер молча вырезал из дерева надгробие для Мэйн. По его щекам текли слёзы.

Ожидая рассвет, люди по очереди уходили поспать. Когда пробили второй колокол, женщины начали раздавать хлеб и чай. Было запрещено есть мясо до окончания похорон. После простого завтрака, люди подняли лёгкую доску и направились в храм. Им нужно было сообщить о смерти, а затем получить медаль, необходимую для захоронения. Когда они сообщили привратнику храма об умершей, тот пропустил их в молитвенный зал. Обычно умершими занимались служители, но по какой-то причине на этот раз вышел сам Верховный жрец.

- Ребёнок, семь лет, родилась летом, зовут Мэйн? Понял.

Всем пришлось недолгого подождать в молитвенном зале, пока не вернулся Верховный жрец. Он передал плоскую белую медаль Гюнтеру. Это была та самая медаль, которой Мэйн коснулась своей кровью на церемонии крещения. Она также являлась и разрешением на захоронение и заменяла бедным простолюдинам надгробные памятники, на которые у тех не было денег. Получив медаль, все направились на кладбище за городом. Поскольку на доске находилась лишь лёгкая коробочка, то люди, что несли её, шли быстрее, чем обычно. Да и мало кто мог что-то рассказать о Мэйн, так что разговоров не было.

Ящик закопали в самом дальнем от входа углу кладбища. Он был маленьким, так что могилу выкопали быстро. Гюнтер прикрепил медаль к вырезанной им доске, что станет надгробием. После того, как медаль крепко прилипла к доске, он воткнул доску глубоко в землю, таким образом обозначая на кладбище ещё одну могилу.

На надгробиях богатых людей было вырезано много слов, но, большинство бедняков не умели читать, а потому на их могилах редко что-то писалось. Могила можно было определить лишь по форме вырезанной доски и тому месту, где крепилась медаль. Однако на надгробии Мэйн, под медалью, была надпись: «Наша любимая дочь».

Похороны закончились. Если бы Мэйн была главой семьи, то обсуждались бы вопросы наследования и того, кто станет новым главой семьи, но для Мэйн, которая умерла вскоре после крещения, всё это было не нужно.

На следующий день после похорон все вернулись к своей обычной жизни. Лютц тоже вернулся к своему привычному распорядку дня. Он вышел из дома, сбежал вниз по лестнице, миновал колодец, а затем поднялся по другой лестнице и постучал в дверь. Её открыла Тули и непонимающе посмотрела на него.

- Доброе утро, Лютц. Что-то случилось?

- Что-то... Ох!

Теперь, когда Мэйн стала РозМэйн, ему больше не нужно было провожать её в храм. Не нужно было сопровождать её, когда Мэйн требовалось куда-то пойти. Не нужно было следить за её здоровьем. Не нужно было помогать ей что-то сделать. Не нужно было обнимать её, когда ей было одиноко. Не нужно было поддерживать её, когда она плакала. Всё это больше было не нужно.

- Мэйн на самом деле ушла, да?

Даже если Мэйн стала РозМэйн, он по-прежнему надеялся, что она окажется здесь. Но теперь она РозМэйн, дочь высшего дворянина. Она больше никогда не будет той девочкой, которую знал Лютц и с которой провёл так много времени.

Лютц лишь сейчас полностью осознал, что Мэйн больше нет. Он задрожал, и слезы, которые он так и не пролил на похоронах, внезапно полились из глаз. Тули нежно погладила его по голове, успокаивая, как когда-то успокаивала Мэйн.

- Лютц, ты по-прежнему можешь разговаривать с Мэйн на работе, так ведь?

- Я могу поговорить с ней, но она больше не Мэйн.

- Это правда. Но Мэйн сказала, что даже если она не может общаться с нами так, как раньше, она хочет, по крайней мере, видаться с нами, - пробормотала Тули, вспоминая свой последний разговор с Мэйн.

Пусть она и не могла называть их семьёй, но Мэйн всё ещё хотела знать как у них дела. Таким образом, Мэйн хотела бы поговорить с Лютцем, пусть это будет всего лишь деловой разговор.

- Лютц, не мог бы ты отвести меня сегодня в компанию Гилберта?

- Для чего?

- Я хочу сдержать обещание, что дала Мэйн, - ответила Тули.

Затем она ушла в спальню и вернулась с сумкой, которую обычно использовала Мэйн. Внутри неё была игрушка, которую она сделала для Ренаты и диптих Мэйн.

- Я обещала присоединиться к Мастерской Коринны и стать первоклассной швеей, чтобы когда-нибудь сшить одежду для Мэйн. А потому я хочу встретиться с Коринной. Лютц, ты ведь тоже дал обещание Мэйн?

Услышав вопрос Тули, Лютц вспомнил всё, о чём он говорил с Мэйн. Он обещал вместе с ней изготавливать и продавать книги, а также сделать всё, что она придумает.

- Сейчас не время плакать, - пробормотал он.

Лютцу нужно было сделать столько книг, чтобы Мэйн могла проводить все свои дни за чтением. Он вытер слёзы, поднял свои вещи и, вместе с Тули, открыл тяжёлую дверь, ведущую на улицу.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

Для вас переводил Фаат.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/1135082>